

По Монголии до границъ Тибета.

ГЛАВА IX ¹⁾.

Зимовка экспедици въ Камъ.

Округъ Лхадо.—Князь лхадог-чжалбо.—Занятіе, пища, одежда лхадосцевъ.—Обычай дѣвушекъ и женщинъ не входить въ чужой домъ.—Селеніе Лун-ток-ндо.—Нравственныя качества туземцевъ.—Жизнь путешественниковъ на зимовкѣ.—Богатство животнаго міра.—Нравъ леопарда.—Новый горный козель.—Общіе праздники.—Фейерверкъ.—Поимка бѣглеца-проводника.

Округъ Лхадо, въ которомъ тибетская экспедиція расположилась на зимовку, незначительный по населенію въ настоящее время, прежде былъ густо населенъ монголами, смѣшавшимися съ пришлыми тибетцами. Коренное населеніе, шарайголы или желторѣченцы, вело долгія и упорныя войны съ тибетцами Дэргэ и особенно съ населеніемъ округа Гончжуръ и, благодаря этимъ войнамъ, уменьшилось, смѣшалось съ тибетцами и утратило свой языкъ и обычаи.

Тѣмъ не менѣе, лхадосцы до сихъ поръ считаютъ себя монголами, а не тибетцами. Съ сосѣдями своими, вслѣдствіе этой пле-

¹⁾ См. «Воен. Сб.» 1912 г., № 5.

менной розни, они живутъ не дружно. Дружать же только съ населеніемъ Нанчин-чжалбо, которое считаютъ родственнымъ по происхожденію, т. е. шарайголами же. Съ нанчинскимъ населеніемъ лхадосцы никогда не вели войнъ и всегда поддерживали, какъ продолжаютъ поддерживать и теперь, родственныя связи посредствомъ браковъ.

Всего теперь въ округѣ Лхадо насчитывается лишь около шестисотъ семействъ или приблизительно около трехъ тысячъ чело-вѣкъ. Пятая часть населенія живетъ осѣдло и занимается земледѣліемъ; остальные—кочевники, живутъ исключительно скотоводствомъ.

Округъ подчиненъ китайцамъ, но вліяніе Лхасы въ настоящее время въ немъ преобладаетъ. Подчиненіе Китаю выражается только взносомъ разъ въ годъ извѣстной подати, собираемой самими китайцами, приѣзжающими за сборомъ ея изъ Чэн-ду-фу.

Весь этотъ небольшой округъ дѣлится на четыре хошуна. Во главѣ управленія стоитъ лхадог-чжалбо, потомокъ Эрхэ-тайчжи. Нынѣшній лхадог-чжалбо, по имени Норво-даши, имѣетъ отъ роду сорокъ восемь лѣтъ; это родной племянникъ предшествовавшего чжалбо. Жена его десять лѣтъ тому назадъ умерла, оставивъ сына, которому нынѣ уже четырнадцать лѣтъ и который является наслѣдникомъ и будущимъ лхадог-чжалбо.

Земледѣльцы сѣютъ изъ хлѣбовъ только ячмень, изъ котораго готовятъ дзамбу, и изъ овощей—одну лишь рѣпу; послѣдняя, хотя и заготавливается главнымъ образомъ для лошадей, но ее рѣдко ѣдятъ и сами тибетцы.

И осѣдлые, и кочевые лхадосцы ткутъ для своихъ потребностей шерстяныя матеріи изъ бараньей шерсти, которую первые обыкновенно покупаютъ или вымѣниваютъ у своихъ же кочевниковъ; помимо шерсти осѣдлое населеніе вымѣниваетъ у кочевого и шкуры барановъ. То и другое, т. е. шерстяныя ткани и овчины, лхадосцамъ нужны для шитья одежды.

Живутъ вообще лхадосцы по своему удовлетворительно, но на нашъ взглядъ совсѣмъ дурно. Обычная ихъ ѣда это дзамба съ масломъ, да и то лишь среди зажиточнаго населенія; бѣдняки же ѣдятъ дзамбу безъ масла или сала, и вмѣсто чая обыкновенно пьютъ отваръ изъ ячменной муки. Мясо у нихъ большая рѣдкость; даже богатые кочевники и тѣ специально ради мяса убиваютъ свой

скоть лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Лхадосцы ѣдятъ мясо преимущественно состарившихся животныхъ или задавленныхъ звѣремъ; не брезгаютъ они также и мясомъ издохшей скотины, а тѣмъ болѣе мясомъ убитыхъ и изловленныхъ звѣрей и не только травоядныхъ, но и хищниковъ, въ родѣ лисицъ, леонардовъ, рысей и другихъ дикихъ кошекъ, причемъ, какое бы то ни было мясо, лхадосцы ѣдятъ его совершенно въ сыромъ видѣ. Описываемые туземцы избѣгаютъ лишь употребленія въ пищу «человѣкоподобныхъ» тварей— обезьянъ.

Одѣваются лхадосцы также, какъ и другіе обитатели восточнаго Тибета; маленькая разница замѣчается только въ головномъ убранствѣ женщинъ, въ распредѣленіи ими связокъ янтарей, искусственныхъ серебряныхъ раковинъ, и въ числѣ болѣе или менѣе широкихъ матерчатыхъ лентъ, въ свою очередь, различно приспособляемыхъ на головахъ и спинахъ богатыхъ туземокъ. Лхадоскія женщины и дѣвушки— большія любительницы всевозможныхъ женскихъ украшеній и нарядовъ; онѣ норовятъ заманить продавца съ подобными товарами въ сосѣдство своего дома, чтобы тѣмъ самымъ скорѣе дать понять мужьямъ или отцамъ о представляющемся случаѣ исполнить обѣщаніе, данное ими когда-то купить ту или иную вещь, на зависть гордыхъ сосѣдокъ. Отъ множества различныхъ бусъ, янтарей и раковинъ, отъ связокъ ключей, нацѣпленныхъ на женщинъ и дѣвушекъ, отъ своеобразныхъ звуковъ, издаваемыхъ всѣмъ этимъ убранствомъ во время движенія, лхадосцамъ положительно невозможно пройти не замѣченными. По части раскрашиванія лицъ обитательницы Лхадо такія же мастерицы, какъ и прочія тибетки. Наиболѣе интереснымъ представляется, между прочимъ, наблюдавшееся нами среди чамдоскихъ модницъ намазываніе зимою щекъ упомянутымъ раньше ирромомъ, который будто бы предохраняетъ наиболѣе нѣжную кожу женщинъ отъ вѣтра и холода въ дорогѣ.

Обычай намазыванія тибетскими женщинами себѣ лицъ, съ точки зрѣнія отрицательнаго кокетства, введенъ былъ, говорятъ, въ этой странѣ издавна и продолжаетъ существовать, какъ пережитокъ, до настоящаго времени въ Лхасѣ и въ тѣхъ областяхъ Кама, гдѣ сосредоточены монастыри, а слѣдовательно и многочисленная монастырская молодежь. Дабы не вводить ламъ въ искушеніе, тибетки обязаны, кромѣ того, избѣгать встрѣчи съ ними, въ крайнихъ же случаяхъ должны, по меньшей мѣрѣ, «потуплять взоръ долу...»

Нравственные качества лхадосцевъ мало чѣмъ отличаются отъ таковыхъ же вообще обитателей восточнаго Тибета; имъ присущи та же лѣнь, грубость, лицемѣріе, низкопоклонство; то же ханжество и суевѣріе. Подобно всѣмъ тибетцамъ, лхадосцы безцеремонные попрошайки: потомкамъ монголовъ ничего не стоитъ протянуть руку и причитывать прославленіе: «куцэрень, куцэрень... сирену...» При встрѣчѣ съ почетными ламами или чиновниками, лхадосцы заранее слѣзаютъ съ лошадей, а при еще большемъ приближеніи присѣдаютъ и, одновременно съ присѣданіемъ, высовываютъ языкъ, часто оттягивая правою рукою соответствующую щеку, а затѣмъ произносятъ «дэму» или «тэму», равносильное нашему «здравствуй!» Въ разговорѣ со старшими лицами простолюдины молчаливо и почитательно стоятъ и только изрѣдка одобрительно киваютъ головою и покорно повторяютъ «лаксу», «лаксу», т. е. «да, да», даже выслушивая жестокой приговоръ надъ собою. Въ знакъ одобренія тибетцы поднимаютъ вверхъ большой палецъ, тогда какъ поднятый мизинецъ опредѣляетъ собою низшее качество; промежуточные же пальцы указываютъ на соответствующую ихъ расположенію степень; два большихъ или два малыхъ пальца, поднятыхъ или выставленныхъ одновременно, выражаютъ или высшую похвалу, или крайнее порицаніе. Какъ и у другихъ обитателей Тибета, у лхадосцевъ принято встрѣчать и провожать гостей до лошади. О всякомъ постороннемъ или чужомъ человѣкѣ, направляющемся въ домъ тибетца, или проходящемъ мимо, но вблизи жилища, во-время даютъ знать своимъ неистовымъ лаемъ огромныя злыя собаки.

Для лхадосскихъ дѣвушекъ, начиная съ 13-ти-лѣтняго возраста, равно и для молодыхъ женщинъ, считается въ высшей степени неприличнымъ войти въ чужой домъ или даже во дворъ (у осѣдлыхъ). Ни одна дѣвушка и женщина, за исключеніемъ старухъ, не рискнетъ этого сдѣлать изъ боязни, чтобы люди не заподозрили ее въ любовной связи съ мужчинами чужого дома. Если явится необходимость видѣться съ хозяйкою дома, съ ея дочерьми или вообще потребуется передать какое-либо словесное порученіе въ такой-то домъ, то онѣ, подходя къ нему, громко выкрикиваютъ имена тѣхъ женщинъ, съ которыми желаютъ говорить. Тѣ въ свою очередь выходятъ изъ дома и гдѣ-либо въ сторонѣ имѣютъ свиданіе. Такимъ же образомъ сосѣдки-женщины навѣщаютъ другъ друга и въ праздничное время, подъ видомъ гостей; угощеніе предлагается

Группа Лхадосцевъ.

Дадай, Бадмажановъ и Да-лама со спутникомъ.

Зимовка експедиції вь Камь

дѣвушкамъ и молодымъ женщинамъ также внѣ дома. Бѣдныя дѣвушки-пастушки, пасущія чужой скоть, ночуютъ обыкновенно у себя дома, а пищу, получаемую ими отъ хозяина или владѣльца скота, съѣдаютъ внѣ дома этого лхадосца. Мужчины же и старухи входятъ въ чужой домъ свободно.

Въ одномъ изъ селеній лхадоскаго округа—Лун-ток-ндо экспедиція прожила ровно три мѣсяца: съ 20-го ноября 1900 года по 20-е февраля 1901 г. Означенное селеніе отстоитъ отъ Чамдо къ сѣверо-востоку, верстахъ въ сорока. Поднятое надъ моремъ безъ малаго на 12.000 футовъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, по отношенію къ окружающимъ его горамъ, словно спрятано на днѣ глубокаго каменистаго ущелья рѣчки Рэ-чю, тамъ, гдѣ ущелье это заперто съ обѣихъ сторонъ почти недоступными тѣснинами, сложенными главнымъ образомъ изъ плотнаго известняка и глинистаго сланца.

Отдѣльные домики этого селенія разбросаны по обоимъ берегамъ рѣчки и ютятся или на днѣ самаго ущелья или же на крутомъ скатѣ его, подобно тому жилищу, которое было отведено, разумѣется за извѣстную плату, подъ экспедицію. Этотъ красивый уголокъ приходится на горномъ мысѣ, у подножья котораго протекають воды, съ одной стороны, главной рѣчки Рэ-чю, съ другою—ея праваго притока Рон-чю, по которому экспедиція прибыла на зимовку.

Сѣверные склоны горъ почти сплошь одѣты еловымъ лѣсомъ, южные, во многихъ мѣстахъ, зарослями древовиднаго можжевельника; тамъ и сямъ стелятся разнообразнѣйшіе кустарники, съ увѣлѣвшими на нѣкоторыхъ изъ нихъ красными ягодами. Увядшіе и засохшіе стебли травянистыхъ растений давали поводъ предполагать богатство луговъ мѣстной альпійской области.

Богатому растительному покрову соответствуетъ и богатый животный міръ, въ особенности въ отдѣлахъ млекопитающихъ и птицъ. Надежды наши на интересныя и разнообразныя сборы въ этомъ отношеніи вполнѣ оправдались, какъ оправдался и предполагаемый сухой, мягкій климатъ зимы и невраждебное отношеніе къ экспедиціи туземцевъ вообще и лунтокндосцевъ въ частности.

Въ домѣ, занятомъ экспедиціей только на половину, въ его верхнемъ этажѣ, прежніе его обитатели во главѣ съ Цереномъ вначалѣ было перепугались и разбрелись по сосѣдямъ, но вскорѣ, убѣдившись, что имъ худого ничего не причинять, возвратились и

сгруппировались въ нижнемъ этажѣ. Тамъ же, въ небольшомъ бревенчатомъ помѣщеніи, было и отдѣленіе для кумирни, въ которой, между прочимъ, устроился нашъ переводчикъ Бадмажановъ и гдѣ также находили всегда пріютъ чиновники, пріѣзжіе изъ Чамдо или изъ ставки мѣстнаго лхадог-чжалбо.

Члены экспедиціи размѣстились въ единственной клѣтушкѣ второго этажа, тамъ, гдѣ на рисункѣ бѣлѣтъ окно, затянутое кисеею, а въ правомъ темномъ углу основались забайкальцы. Гренадеры же предпочли остаться въ налаткѣ, расположенной на вольномъ воздухѣ, по сосѣдству съ кухней. Для нашихъ спутниковъ-монголовъ была истребована тибетская черная палатка, въ которой цайдамцы отлично устроились, благодаря множеству войлочныхъ сѣделъ экспедиціонныхъ вьючныхъ животныхъ. Послѣднія всю зиму провели подъ открытымъ небомъ—днемъ въ сосѣднихъ ущельяхъ на пастбищѣ, ночью—на-привязи, рядомъ съ гренадерской палаткой. Гарза за свой строгій нравъ платился дневной свободой, но зато, отпущенный съ вечера, всю ночь производилъ судъ и расправу съ чужими псами, которыя, томимые голодомъ, осмѣливались заглядывать въ нашъ лагерь. Въ затишьѣ и теплѣ, между, такъ называемымъ, офицерскимъ помѣщеніемъ и казаками, подъ навѣсомъ, гдѣ обыкновенно у хозяевъ хранилась солома, былъ пристроенъ нашъ общій любимецъ, Мандриль. Днемъ онъ тщательно перебиралъ мелкую солому, разыскивая зерна; ночью же, въ особенности, когда было холодно, совсѣмъ зарывался въ нее.

Ровная площадка, находившаяся выше дома, занятаго экспедиціей, сослужила хорошую службу для установки астрономическихъ инструментовъ. Багажъ нашъ былъ разсортированъ по частямъ, въ непосредственной близости съ нами. Въ палаткѣ, стоявшей на верху, находились почти исключительно текущіе сборы коллекцій птицъ и мелкихъ звѣрей, подлѣ которыхъ, въ видѣ охраны, спали препараторы. Общее же охраненіе бивака, по-прежнему, ввѣрялось часовымъ двухъ очередей, съ одной смѣной около полуночи.

Вставали мы на зимовкѣ также сравнительно рано: конвой около шести часовъ, а мы, члены экспедиціи, около семи, ко времени утренняго метеорологическаго наблюденія. Послѣ утренняго чаепитія, каждый принимался по обыкновенію за свое дѣло. Въ цѣляхъ большаго ознакомленія съ мѣстнымъ животнымъ міромъ, оба препаратора ежедневно экскурсировали въ окрестностяхъ Лун-

ток-ндо; отъ времени до времени охотились также и люди отряда, соблюдая между собою строгую очередь.

По части ботаники собирались сѣмена.

Относительно продовольствія мы были обеспечены главнымъ образомъ мѣстными средствами и лишь отчасти прибѣгали къ содѣйствию чамдоскаго базара. Баранье мясо мы теперь разнообразили мясомъ болѣе жирныхъ яковъ, а вмѣсто дзамбы порою лакомились неченымъ хлѣбомъ, не дурно выходявшимъ изъ печи, устроенной въ песчано-глинистомъ обрывѣ при содѣйствіи плоскихъ булыжниковъ.

Съ управителемъ округа Лхадо лхадог-чжалбо, черезъ посредство его совѣтниковъ и ламъ, имѣвшихъ свиданіе съ нами въ первый день вступленія экспедиціи въ Лун-ток-ндо, установились порядочныя отношенія. Самъ чжалбо почему-то сторонился отъ насъ и производство дѣлъ по отношенію къ экспедиціи возложилъ на прикомандированнаго въ мое распоряженіе одного изъ совѣтниковъ — Юнди.

Мѣсто самой зимовки выбрано было очень удачно. Глубокое ущелье Рэ-чю, богатое скалами, лѣсами, ягодными кустарниками, альпійскими лугами и населенное оригинальными представителями маммологической и орнитологической фауны, превосходило многія другія въ ближайшихъ окрестностяхъ. Лхадосцы, узнавъ, что мы покупаемъ шкуры звѣрей за выгодныя для нихъ цѣны, стали нести намъ на продажу все, чѣмъ богата страна. Только благодаря этому мы могли узнать, что здѣсь водится очень интересный новый звѣрь джара или джагуръ, описанный мною ниже; затѣмъ большая лентяга, рѣчная выдра, кошки. Превосходныя шкуры нѣсколькихъ леопардовъ были также пріобрѣтены у лхадоскихъ охотниковъ, которые вообще старались доставлять намъ добытыхъ ими звѣрей въ тушахъ, за что, конечно, получали надбавку.

Китайскій леопардъ или «зэгъ», какъ его называютъ лхадосцы, очень распространенъ въ системѣ верхняго Меконга, по крайней мѣрѣ въ той ея части, которую удалось посѣтить нашей экспедиціи. Здѣсь онъ ходитъ чаще въ одиночку, но во время любовной поры, которая бываетъ осенью, бродитъ парами, рѣже по три (два самца). Матери съ однимъ или двумя дѣтенышами показываются на глаза туземцамъ въ апрѣлѣ.

Леопардъ наносилъ тибетцамъ ощутительный убытокъ, давя ихъ скоть, главнымъ образомъ небольшихъ коровъ, телятъ и козъ; не

брезгаетъ онъ также и собаками. Такъ, однажды ночью, этотъ звѣрь прокрался къ одиноко-стоящему въ нашемъ селеніи жилищу, откуда слышался громкій лай собаки, и, задавивъ пса, понесъ свою добычу въ лѣсъ. На утренней зарѣ, хозяинъ дома, могучій по сложенію и слывущій въ округѣ за отличнаго стрѣлка, втихомолку направился вслѣдъ за звѣремъ. Въ недалекомъ разстояніи отъ дома, въ оврагѣ, поросшемъ высокимъ кустарникомъ, лхадосецъ засталъ леопарда, пожирающаго остатки собаки. Осторожно приблизившись на разстояніе не болѣе десяти сажень, счастливый охотникъ мѣткимъ выстрѣломъ въ голову уложилъ леопарда на мѣстѣ. Больше всего описываемый звѣрь, однако, охотится, говоря лхадосцы, на многочисленныхъ обезьянъ, которыхъ мастерски скрадываетъ, притаившись въ скалахъ; въ то время, когда обезьяны предаются отдыху или забавамъ. Раздирающій душу крикъ, по словамъ мѣстныхъ охотниковъ, всегда служитъ явнымъ признакомъ, что пестрый хищникъ напалъ врасплохъ на обезьянъ и дуть или грызеть ихъ. Въ первый моментъ обезьяны словно теряются, чѣмъ и пользуется леопардъ, успѣвающій иногда умертвить трехъ—пятерыхъ изъ этихъ безобидныхъ тварей, прежде нежели онъ успѣютъ опомниться и удрать въ скалы.

Днемъ зѣга показывается рѣдко, отдыхая въ это время гдѣ-либо въ укромномъ мѣстѣ. Съ закатомъ же солнца, а въ пасмурные дни и раньше, этотъ красавецъ звѣрь покидаетъ свое логовище и идетъ на промыселъ или къ недоѣденной ранѣ добычѣ, какойнибудь задавленной скотинѣ. Въ послѣднемъ случаѣ туземцы — охотники сторожатъ звѣря. На такую охоту неуверенные въ себѣ стрѣлки идутъ по два или по три человекъ, такъ какъ раненый звѣрь всегда бросается на охотника и мнетъ его подобно тигру. Здѣсь, въ Лхадо, мнѣ назвали трехъ такихъ охотниковъ, которые были болѣе или менѣе серьезно поранены леопардами.

Лхадосцы предпочитаютъ устраивать на зѣга западню, которая мастерится въ лѣсу изъ десятка, а то и болѣе, тяжелыхъ бревень, связываемыхъ на подобіе щита. Послѣдній ставится по возможности на ровную поверхность земли подъ небольшимъ угломъ, осталяющимъ впрочемъ достаточно свободный входъ для звѣря, котораго манить внутрь засады голосъ, привязаннаго къ стойкѣ, поддерживающей щитъ, козленка. Испуганный неожиданнымъ появленіемъ леопарда, козленокъ бросается въ глубь западни, прячась

въ ямку, нарочно для него устроенную, и тѣмъ самымъ роняеть стойку и щить, даваящій леопарда.

Большая, хорошая шкура звѣря цѣнится на мѣстѣ около десяти лань серебра и идетъ главнымъ образомъ на отдѣлку шубъ богатыхъ и знатныхъ тибетцевъ. Подобныя шкуры у тибетцевъ вообще играютъ большую роль при обмѣнѣ подарками. Мясо же леопарда многіе лхадосцы ѣдятъ съ удовольствіемъ, считая его очень вкуснымъ.

Слѣдующій звѣрь, заставляющій на себѣ остановиться, это «джара» или китайскій яманъ, среднее между антилопой и козломъ, названный мною *Nemorhoedus chamensis*. Въ цѣломъ этотъ звѣрь очень наряденъ, особенно когда быстро несется по опушкѣ лѣса.

По свѣдѣніямъ, добытымъ отъ туземцевъ, а также отчасти и согласно нашимъ личнымъ наблюденіямъ, весною, джагуръ держится одиночками и въ весьма трудно доступной мѣстности. Природные балконы, карнизы, крутые обрывающіеся лога дикаго каменистаго ущелья Рэ-чю—вотъ обстановка, среди которой живетъ и гдѣ можно встрѣтить описываемаго звѣря: притомъ крайняя осторожность джара къ малѣйшему шороху и его большая выносливость на рану затрудняютъ охоту на него.

Лѣтомъ джагуръ поднимается въ верхній поясъ горъ, до 15.000 футовъ надъ моремъ, держась гребня хребта; днемъ онъ отдыхаетъ гдѣ либо въ прохладѣ нависшихъ скалъ, у верхняго предѣла лѣса или кустарниковъ, съ вечернею же зарею выходитъ на покормку.

Любовный періодъ у камскихъ козловъ проходитъ черезъ послѣднюю треть октября и первую треть ноября мѣсяцевъ; самцы въ гоньбѣ за самками издають голосъ, подобный голосу домашнихъ козъ; самцы же изъ за права обладанія подругами жестоко дерутся между собою; бой заключается въ боданіи или спибаніи лбами и тогда, по словамъ тибетцевъ, всего легче скрасть и убить звѣря. По окончаніи точки, самцы снова отдѣляются отъ самокъ до слѣдующаго года. Дѣтеныши, по одному, рождаются въ апрѣлѣ и въ маѣ.

Позднею осенью и зимою, когда туземцы спускаются на дно ущелій или долинъ, звѣри также покидаютъ вершины гребня и вступаютъ въ область оставленныхъ тибетцами кочевій; здѣсь, нерѣдко, джара подбирается къ складамъ сѣна и, поднимаясь на дыбы,

достааетъ его; полакомившись разъ—другой, звѣрь продолжаетъ ходить систематически почти каждую ночь, прокладывая тропинки; подобныя же дорожки можно наблюдать также и къ мѣсту водооя.

Что касается пернатого царства, то среди послѣдняго замѣчено большое богатство и разнообразіе, несмотря на то, что наши наблюденія касаются только осѣдлыхъ и зимующихъ птицъ; несравненно полнѣе получился бы списокъ послѣднихъ за круглый годъ, такъ какъ окрестныя мѣста, повторяю, представляютъ для нихъ самыя выгодныя условія, особенно въ періодъ гнѣздовья

Мѣстная зима характеризуется мягкостью климата: почти полнымъ безснѣжіемъ, сравнительною сухостью, довольно прозрачной атмосферой, отсутствіемъ вѣтровъ по ночамъ и утрамъ и систематическимъ ежедневнымъ ихъ появленіемъ съ запада и юго-запада послѣ полудня.

Переходъ отъ прекрасной осенней погоды къ порядочной зимней совершается почти незамѣтно; безснѣжная зима мало разнообразитъ общій пейзажъ мѣстности; незначительный снѣгъ наблюдается только во время его паденія, рѣже въ теченіе одного или двухъ послѣдующихъ дней; лишь по склонамъ горъ, обращенныхъ къ сѣверу и покрытыхъ лѣсомъ, этотъ осадокъ сохраняется болѣе продолжительное время. Въ самый холодный періодъ зимы, въ послѣдней трети декабря и первой трети января, по ночамъ, температура хотя и падаетъ до—26,5° С, но днемъ, на солнцѣ, настолько тепло, что ледъ, лежащій по горнымъ ручьямъ и небольшимъ рѣчкамъ, замѣтно таетъ; главная же рѣчка Рэ-чю, въ Лунток-ндо и ниже, до впаденія въ Меконгъ, въ теченіе всей зимы не имѣетъ ледяного покрова. Въ концѣ того же мѣсяца, отличающагося наибольшей облачностью, лхадосцы удобряютъ свои поля навозомъ. Февральское солнце грѣетъ еще болѣе по весеннему и успѣшно будитъ къ дѣятельности жуковъ и мухъ. Согрѣтый и холодный воздухъ часто нарушаютъ равновѣсіе атмосферы, выражающееся въ вѣтрахъ различныхъ направленій. Свободное отъ облаковъ южное небо манитъ къ себѣ постоянно: днемъ — лазуревой прозрачностью, ночью — дивнымъ блескомъ свѣтилъ.

Въ теченіе всего ноября и первой трети декабря, въ ясныя ночи по небу проносились блестящіе метеоры или болиды,

изъ которыхъ одинъ, своей величиной и эффектнымъ паденіемъ, привлекъ вниманіе многихъ и служилъ долгое время предметомъ самыхъ различныхъ толковъ.

Праздникъ Рождества Христова и первый день новаго, двадцатаго столѣтія экспедиція отмѣтила нѣкоторой торжественностью, такъ какъ у насъ все еще существовали предметы роскоши: сардины, консервированное молоко и кофе, всевозможные леденцы, коньякъ, ликеры, сигары и проч., тщательно сберегаемые про такіе исключительные праздники или другіе дни, чѣмъ либо знаменательные въ нашемъ далекомъ и продолжительномъ странствованіи. Надо, однако, замѣтить, что, по части «питій», экспедиція располагала на весь тридцатимѣсячный срокъ путешествія заграницей всего лишь двадцатью бутылками и полубутылками коньяка и ликеровъ, причемъ изъ этого скромнаго запаса три бутылки цѣликомъ были подарены именитымъ туземцамъ; кромѣ того, значительная часть коньяка пошла имъ въ видѣ обычнаго угощенія; изъ остального же запаса, служившаго достояніемъ всего персонала экспедиціи, мы еще сохранили по бутылкѣ коньяка и ликера подъ названіемъ «завѣтная», до вступленія на родную землю. Этими словами я хочу сказать, что такъ называемые горячительные напитки въ нашей экспедиціи представляли скорѣе лекарственное средство, нежели тотъ «необходимый повседневный предметъ», въ какой ихъ возводятъ другіе путешественники. Правда, пьющіе нижніе чины получали отдѣльную «чарку» водки, которую мы фабриковали сами, на мѣстѣ, изъ восьми ведернаго запаса спирта, везомаго специально для коллектированія рыбъ, змѣй, ящерицъ, мелкихъ грызуновъ и другихъ образцовъ зоологическихъ сборовъ. Непьющіе же чины конвоя, а такихъ было нѣсколько человекъ, взамѣнъ водки, получали лишнюю порцію сахару или леденцовъ, обыкновенно экономно расходуемыхъ ими вмѣстѣ съ кирпичнымъ чаемъ, единственнымъ напиткомъ, на который мы не скупились, не смотря ни на какую его дороговизну. Сардины и сласти—эти «вкусные заѣдочки и усладеньки», выражаясь словами незабвеннаго Пржевальскаго, также получали и нижніе чины и почти въ той же мѣрѣ, какая полагалась и по отношенію къ любому изъ главныхъ членовъ экспедиціи, не позволявшихъ себѣ никакого излишка и комфорта, наоборотъ,—съ перваго дня путешествія съ караваномъ разставшихся съ привычками цивилизованной обстановки, до спанья на кроватяхъ или койкахъ включительно: всѣ

члены экспедиціи спали прямо на землѣ, лишь подославъ подъ себя войлокъ. Короче—мы жили братьями.

Такіе исключительные праздники, какъ указанный или, напримеръ, вступленіе экспедиціи на нагорье Тибета, въ бассейнъ Янцзы-цзяна или Меконга, добыча новыхъ формъ млекопитающихъ и птицъ, мы ознаменовывали тѣмъ, что нашъ однообразный сушъ смѣнялся вкуснымъ плодомъ и помянутыми заѣдочками и усладеньками, которыя мы дѣлили съ дѣтской наивностью и простотою. Въ подобныя минуты, сидя за чашкой чая, мы считали себя положительно счастливейшими изъ людей, въ особенности, если къ тому же еще выпадали на долю такіе чарующіе уголки, на какіе не разъ указывалось выше. Къ своему столу, къ завтраку или обѣду, мы иногда приглашали знакомыхъ и пріятелей туземцевъ.

Въ одинъ изъ вечеровъ рождественскихъ праздниковъ мы устроили фейерверкъ, привлекшій вниманіе обитателей всего селенія и послужившій затѣмъ долгое время для нихъ воспоминаніемъ о чемъ то сверхъестественномъ.

По поводу нашихъ праздниковъ и торжествъ туземцы замѣтили, что скоро и у нихъ настануть такіе же дни и что они теперь уже приглашаютъ насъ къ себѣ въ гости. Лхадосцы къ своему новому году, въ 1901-мъ году къ 7-му февраля, готовились за нѣсколько дней; все чистилось, мылось, прибиралось. И мужчины, и женщины, и взрослые и дѣти—все приводили въ порядокъ свои лучшія одежды и наряды. Наканунѣ же самаго праздника у каждаго дома, на открытомъ, тепломъ воздухѣ, можно было видѣть чуть не поголовное мытье туземцевъ. Въ роли куаферовъ являлись по большей части женщины, на долю которыхъ вообще выпадало много всевозможныхъ хлопотъ. Кажется, онѣ въ теченіе всей новогодней ночи не смыкали глазъ и не покладали рукъ. Даже лѣнивые мужья и тѣ встрѣтили этотъ праздникъ на ногахъ, при громкомъ чтеніи молитвъ, а нашъ хозяинъ, Церенъ, молотобоецъ, успѣлъ, кромѣ того, приготовить нѣсколько мани и заблаговременно отнести ихъ на соседній горный выступъ. Чуть же забрезжила заря перваго дня новаго года, какъ населеніе Лун-ток-ндо оставило жилища и сошло на берегъ рѣчки къ заранѣе приготовленному большому костру можжевельника, который не столько пылалъ огнемъ, сколько разносилъ густой дымъ, клубами стлавшійся по долинѣ-ущелья. Можжевельовый дымъ—тотъ же өмзіамъ, воскуриваемый буддистами сво-

имъ божествамъ. Подлѣ жертвенника толпилось особенно много женщинъ и дѣтей, оживлявшихъ берега рѣчки звонкими голосами. Изъ хозяевъ многіе еще наканунѣ уѣхали въ ставку своего князя для принесенія ему обычныхъ новогоднихъ поздравленій. Съ восходомъ солнца нарядные лхадосцы возвратились въ дома и принялись за праздничную трапезу.

Въ первые дни новаго года родные и знакомые обыкновенно навѣщаютъ другъ друга.

Наши монголы-спутники въ этотъ праздникъ также побывали кое у кого изъ сосѣдей лхадосцевъ; въ другое же время они предпочитали сидѣть дома или уходить со скотомъ въ ближайшее ущелье. Джэрой—безсмѣнный пастухъ, забравшись куда нибудь на вершину скалы, такъ громко читалъ молитвы о сохраненіи животныхъ и общемъ нашемъ благополучіи, что распугивалъ звѣрей и птицъ, находившихся поблизости. Этотъ добродушный человекъ, по-прежнему, былъ любимцемъ всего отряда. По вечерамъ у экспедиціоннаго костра, продолжавшаго служить клубомъ, онъ потѣшалъ моихъ спутниковъ всевозможными разсказами, но больше всего воспоминаніями о совмѣстномъ съ нами странствованіи по Тибету. Мы всѣ не мало удивлялись до какихъ мелочей развито наблюденіе, повидимому, очень ограниченнаго монгола. Нѣсколько вечеровъ Джэрой интересно и неумоимо разсказывалъ, послѣдовательно шагъ за шагомъ, о нашемъ путешествіи. На выраженное мною удивленіе по поводу наблюдательности и памяти цайдамскихъ монголовъ, Дадай—одинъ изъ самыхъ толковыхъ туземныхъ спутниковъ—замѣтилъ, что его дядя, сопровождавшій покойнаго Н. М. Пржевальскаго, въ его первое путешествіе по Тибету, по возвращеніи въ Цайдамъ, написалъ интересную исторію путешествія русскаго нойона. Дадай закончилъ свою рѣчь обѣщаніемъ написать подобное его дяди повѣствованіе о теперешнемъ путешествіи русскихъ по Тибету.

Наши минуты досуга по-прежнему раздѣлялъ Мандриль, который, по мѣрѣ надвигающаго весенняго тепла, чаще и чаще отпускался на свободу. Забравшись по обыкновенію на сосѣднее экспедиціонному дому дерево, ловкій звѣрекъ подолгу проводилъ тамъ время въ удивительныхъ прыжкахъ съ вѣтви на вѣтвь, нерѣдко въ погоняхъ за пристававшими къ нему воронами. Соображая о будущемъ своего невольнаго спутника, я попытался было его пристроить одному изъ мѣстныхъ тибетцевъ, но Мандриль на пятый день вновь

прибѣжалъ въ нашъ лагерь и въ такомъ жалкомъ, несчастномъ видѣ, что у всѣхъ насъ вызвалъ глубокое сожалѣніе, усилившееся подъ впечатлѣніемъ той радости, которую проявилъ бѣдный звѣрекъ при видѣ всѣхъ насъ: въ глазахъ и движеніяхъ обезьяны, дѣтски прижавшейся къ моей груди, нельзя было не видѣть выраженія просьбы не покидать ее. Пробовалъ я также отпустить Мандрила въ стадо его дикихъ собратій, но ничего хорошаго не выходило: нашъ звѣрекъ получалъ нѣсколько пощечинъ, которыми его щедро надѣляли дикая обезьяны. Послѣ того мы рѣшили больше не разставаться съ Мандриломъ.

Двухъ другихъ молоденькихъ обезьянъ, изловленныхъ Мадаевымъ на охотѣ живьемъ, мы никакъ не могли приручить: все онѣ стремились въ лѣсъ; даже нашъ Мандрилъ и тотъ у этихъ дикарей не могъ вызвать желанія порѣзвиться. Въ концѣ концовъ одинъ изъ нихъ сбѣжалъ при содѣйствіи Мандрила, помогшаго развязать узелъ ремня, къ которому новичекъ былъ привязанъ; другой же, за свой злой нравъ, былъ приговоренъ къ смерти и попалъ въ жестянку со спиртомъ, въ каковомъ видѣ и доставленъ въ Зоологическій музей. Не измѣнялъ намъ одинъ лишь Мандрилъ, къ которому, со своей стороны, мы также сильнѣе привязались. Гренадеры, въ заботахъ о предстоящей дорогѣ, сшили для него теплый шерстяной костюмъ, въ которомъ Мандрилъ выглядѣлъ замѣчательно комичнымъ: сѣрая курточка съ кушакомъ и колпачекъ, казалось, парализовали всякое свободное движеніе звѣрька и онъ превращался въ настоящую мумію. Стоило же только, бывало, дать понять Мандрилу, что онъ можетъ освободиться отъ одежды, какъ умный звѣрекъ тотчасъ сбрасывалъ ее долой и возвращался къ прежнему оживленію.

Такимъ образомъ наша жизнь на зимовкѣ шла вполне удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ. Туземцы, послѣ одного-двухъ случаевъ удачнаго излеченія ихъ экспедиціоннымъ «лейбъ-медикомъ», какъ въ шутку мы называли нашего фельдшера Бохина, стали часто приходить къ намъ за лекарствами и советами. Изъ особенно распространенныхъ болѣзней среди небогатыхъ лхадосцевъ извѣстны ревматическія, происходящія отъ неблагоприятныхъ условій жизни. Лучшимъ средствомъ для леченія этихъ болѣзней, по словамъ мѣстныхъ обитателей, служатъ чамдоскія горячія воды, на которыя больные ѣздятъ купаться.

Благодаря недалекому разстоянію отъ Чамдо, насъ нѣсколько разъ навѣстилъ, по порученію Даинъ-хамбы или ближайшаго помощника главнаго чамдоскаго перерожденца—Пакпалы, нашъ хорошій знакомый, да-лама, давшій экспедиціи много интересныхъ и цѣнныхъ свѣдѣній. Почти исключительно благодаря этому чамдоскому чиновнику, охотно откликнувшемуся на мою просьбу поѣхать вмѣстѣ съ урядникомъ Бадмажановымъ на розыски бѣглеца-китайца, обворовавшаго А. Казнакова въ разѣздѣ, преступникъ со всѣмъ похищеннымъ имуществомъ былъ найденъ. Это обстоятельство произвело на всѣхъ окрестныхъ тибетцевъ сильное впечатлѣніе, возстановившее прежнее обаяніе экспедиціи, намъ же лично дало возможность свободнѣе вздохнуть и еще больше вѣрить въ неразлучнаго нашего спутника—счастье.

Несчастный Вей, черезъ нѣсколько дней послѣ побѣга, во время котораго выдавалъ себя за посланца отъ рѣсскихъ съ важнымъ порученіемъ къ Нанчинъ-чжалбо, былъ тѣмъ не менѣ схваченъ, вблизи своего дома, тибетцами Ріучискаго хошуна и все время, пока не прибыли мои посланные, находился подъ строгимъ арестомъ, ежедневно подвергаясь тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніямъ, отъ которыхъ пришелъ въ неузнаваемый видъ. Послѣ продолжительныхъ и сложныхъ переговоровъ съ туземцами, да-ламѣ и Бадмажанову удалось наконецъ получить сначала вещи, украденныя китайцемъ, а затѣмъ и его самого. По дорогѣ къ зимовкѣ, во время переправы черезъ Меконгъ, изстрадавшійся китаецъ, не ожидая пощады съ нашей стороны, прыгнулъ съ плота въ рѣку и тотчасъ же пошелъ ко дну; лишь веревка, на которой тащили связаннаго по рукамъ виновнаго, указывала направленіе, куда понесло быстрымъ теченіемъ утопленника... Возможно также допустить, что Вей былъ очень ловко сброшенъ въ рѣку тибетцами перевозчиками, заблаговременно подговоренными хитрымъ да-ламой, который такимъ образомъ избѣгалъ возможныхъ дальнѣйшихъ непріятностей, по отношенію къ лян-тай ю—китайскому гражданскому чиновнику въ Чамдо. Подобное предположеніе представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что, по случаю незначительныхъ размѣровъ плота, при переправѣ черезъ рѣку, китайца сопровождали одни лишь туземцы; мои же посланцы находились на берегу, въ ожиданіи возвращенія перевозочныхъ средствъ. На крикъ и замѣшательство тибетцевъ перевозчиковъ, достигнувшихъ середины Меконга, Бадмажановъ могъ только констатировать мгновенное исчезновеніе Вей.

Между тѣмъ время бѣжало; солнце съ каждымъ днемъ пригрѣвало сильнѣе и сильнѣе. Наступали длинные благодатные дни. Въ теплое воздухѣ начало слышаться жужжаніе насекомыхъ, а затѣмъ стали показываться и пролетныя птицы. Пришла пора и намъ собираться въ далекій обратный путь.

П. Козловъ.

